

*Из книги Алтай — Кавказская Сибирь  
Казахского в казахском Переводы*

ГЕОРГИЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ

## ХАНЪ АЛТАЙ

Сказка въ семи главахъ

### I. Пѣвецъ - пастухъ налаживаетъ дому.

По привольнымъ, великимъ горамъ Алтая изначала Человѣкъ - Пастухъ кочевалъ, свои тучныя стада стерегъ, древніе Божьи завѣты берегъ.

Вотъ ходилъ Пастухъ по высокимъ горамъ, по зеленымъ лугамъ, по рѣчнымъ и озернымъ берегамъ — глядѣлъ черезъ стада свои въ высь и въ даль и молча задумывалъ первую пѣсню.

У вѣтра подслушалъ, у стука камней, у шелеста листьевъ, у шума воды, у щебета птицъ и у свиста невидимыхъ маленькихъ тварей — взялъ первые звуки.

Стоялъ на высокомъ холмѣ надъ рѣкою старый, сухой и расщепленный тополь; вѣтеръ врвался въ сухую расщеплину дерева и завывалъ, ударялъ по отвисшей щепѣ и качалъ ее въ тактъ и наигрывалъ первую пѣсню — училъ Пастуха.

Съ пѣсней вѣтра задумалъ Пастухъ сдѣлать первую дому. Съ молитвою срѣзалъ онъ тополь у самаго корня. Съ таинственной думой и заклинаньями выжегъ огнемъ пустоту. Съ великимъ терпѣніемъ трудился — обдѣлывалъ каменнымъ ножикомъ. Семь разъ поранилъ руки, пока сдѣлалъ первую доску — покрыть пустоту. Семь разныхъ узоровъ — кони, козлы и маралы — собственной кровью навелъ вокругъ домры. Трубные звуки мараловъ — самая громкая пѣсня Алтая.

Съ лаской погладилъ коня, когда выбиралъ въ его хвостъ самые длинныя, самые крѣпкіе волосы. На голомъ колѣнѣ съ улыбкой сучилъ двѣ струны. Натянулъ, тронулъ пальцемъ, услышалъ гудѣнье — побѣжалъ подѣ-

литься звуками съ самой любимой подругой своей. Усадилъ ее слушать, а самъ посмотрѣлъ на самую высокую вершину, послалъ улыбку счастья самой синей и далекой долинь.

Домра запѣла.

Домра запѣла, запѣлъ и пѣвецъ. Рѣки и горы запѣли. Птицы и звѣри запѣли. Небо запѣло. Съ улыбкою счастья пастушья подруга смотрѣла и слушала домру.

Съ тѣхъ поръ родилась пѣсня, и всѣ стали пѣть объ Алтай. Съ тѣхъ поръ на всемъ свѣтѣ лишь трое безсмертны: Домра, Пѣвецъ и Алтай.

—  
Кто скажетъ: что правда, что сказка, что сонъ наяву?

Тучи идутъ по горамъ, громоздятся, сходятся въ кругъ, думаютъ, что-то рѣшаютъ — кто скажетъ: чьи это души сошлись?

Всадникъ ѣдетъ по горной тропинкѣ, лукъ натянулъ, стрѣлу послалъ и сразилъ гордо стояшаго на скалѣ марала — кто скажетъ: не былъ ли когда-то мараль охотникомъ, а охотникъ мараломъ?

Между горъ бѣгутъ и пѣнятся, и покотъ рѣки, безконечно спорятъ съ крѣпкими утесами — кто скажетъ: нѣтъ ли въ спорѣ этомъ мудрости изначальной?

Алтай-кижи родился бѣднымъ пастухомъ и полюбилъ самую красивую и знатную ханскую дочь — кто скажетъ: не разлучилъ ли кто эти двѣ души въ прежнихъ жизняхъ? Не былъ ли Пастухъ когда-то ханскимъ сыномъ?

Когда поздно весною кукушка прокукуетъ въ еловомъ лѣсу; когда эхо ея пѣсни наполнитъ синя ущелья; когда волкъ линяетъ въ труппобѣ, а лисица кормитъ сѣрыми сосцами своихъ дѣтенышей въ темной норѣ; когда всѣ птицы съ утренней зари и до вечерней хлопочутъ, добывая пищу для маленькихъ птенцовъ; когда каждый муравей воображаетъ себя самымъ наибольшимъ въ природѣ, — тогда пролети сѣрымъ соколомъ изъ края въ край по Алтаю и послушай, о чемъ говорятъ великія рѣки, угадай, о чемъ думаютъ горы - богатыри?

Пролети быстрымъ соколомъ надъ скачущими бѣлыми волнами Чулышмана, подыши прохладой ихъ дыханья, окропи крыло мелкимъ жемчугомъ кристалльныхъ брызгъ и угадай, о чемъ поетъ - рассказываетъ Чулышманъ-богатырь, сынъ высокаго озера Джайлю?

Пастухъ — простой Алтай-кижи, и Чулышманъ - богатырь — рѣка, и ханъ Ойротъ — пророкъ, и самъ великій ханъ — Алтай - Ульгень — всѣ въ единой пѣснѣ сливаются, когда утро встаетъ. Всѣ согласнымъ хоромъ единый гимнъ поютъ, гимнъ вѣчной жизни и Владыкѣ свѣтлыхъ звѣздъ. Многія, многія рѣки текутъ, новыя, новыя струи рождаются, новыя, новыя слова поютъ. А пѣсня у всѣхъ одна, пѣсня — любовь!

—  
О, земля, земля!

Для далекихъ звѣздъ ты горишь, какъ звѣзда. Въ хороводѣ млечныхъ путей ты только свѣтлая пылинка. А для глаза человѣческаго ты необъятный просторъ. Для души людской — клѣтка золотая.

Многое множество жило на тебѣ земныхъ владыкъ. Многое множество прошло по тебѣ святыхъ и мудрецовъ. И всѣ ушли въ тебя, всѣ стали землей.

О, земля, земля, любимая мать моя!

О, земля, земля! Хочу разыскать и принести тебѣ лучшей даръ. Хочу воспѣть Алтай — родину мою, радость твою!

—  
О, Алтай, Алтай!

Ты стоишь, Алтай, выше тучъ и звѣздъ. Голубыя небеса — крыша горъ твоихъ, а неисчислимыя звѣзды — очи небесныхъ стражей, оберегающихъ бѣлизну вершинъ твоихъ.

Кто хоть одну жизнь прожилъ на горахъ

твоихъ, Алтай, тотъ никогда не умретъ. На высотѣ снѣговыхъ вершинъ твоихъ Бѣлый Духъ Акъ-Яикъ живетъ. На сѣдой главѣ твоей сіяетъ вѣчный свѣтъ. На каменной груди твоей истоки вѣчной любви — живая вода. Въ гранитныхъ нѣдрахъ твоихъ — сокровища заподанные.

О, Алтай, Алтай, будь благословенъ!

—  
О, Алтай, Алтай! Прекрасно имя твое!

Слово Алтай — синее слово въ бѣломъ сіяніи, окруженное радугой.

Какъ на сѣрой землѣ блеститъ и виднѣется бѣлый камень — Ала-Тась, — такъ на синихъ горахъ блестятъ крылья вѣчныхъ снѣговъ.

Высоко ушла въ небо въ жемчужной коронѣ глава твоя, Алтай, великая Бѣлуха — царица земли!

Музыкой ласкаетъ слово Алтай. Пѣсней звучитъ для каждаго странника. Родиной — каждой свѣтлой душѣ. Маякомъ — для всякаго искателя подвига. Храмомъ для всякаго молящагося. Звукомъ мощнаго колокола зовъ его:  
— Алтай! Алтай! Алтай!

—  
Много на горахъ Алтая сверкаетъ снѣговъ. Много между горъ Алтая рѣкъ бѣжитъ, много у Алтая недремлющихъ глазъ — голубыхъ озеръ. Какой на Алтаѣ бѣлѣ снѣгъ — только ослѣпленные снѣгомъ Алтая скажутъ.

Какая красивѣе и мощнѣе рѣка — только видѣвшіе рѣку Катунь скажутъ.

Какое самое святое озеро на Алтаѣ — только восторгъ безмолвія скажетъ.

О, Джайлю, Джайлю, Джайлю - куль, озеро запредѣльное!

Вознесенное на хребты Сайлюгемскіе, ты стоишь, какъ чаша изумрудная.

Наполненное голубыми кристаллами чистыхъ водъ, стрѣлами солнца, ароматами травъ, медомъ цвѣтовъ и куреньями хвойныхъ лѣсовъ, это ты рождаешь рѣку Чулышманъ.

По крутымъ горамъ, окружающимъ тебя, лежатъ вѣчные снѣга — бѣлыя ступени великаго и свѣтлаго Духа Высотъ.

Надъ тобой въ высотѣ, опираясь на бѣлыя вершины, синяя крыша ласкаетъ взоръ — тамъ Начало тверди Владыки звѣздъ.

Прими, Владыко, чистый даръ отъ первоисточниковъ Алтая: — чаша полна до краевъ!

... Такъ Пастухъ-пѣвецъ отыскалъ свой даръ. Такъ сказка-быль объ Алтаѣ начинается.

## II. Когда впервые Ойротъ пришелъ.

Озеро Джайлю стоитъ на горахъ такъ давно, какъ давно стоитъ Алтай. Озеро Джайлю уже было на горахъ, когда вокругъ Алтая океанъ бушевалъ. Алтай стоялъ посреди океана, какъ островъ — неприступный храмъ, и бѣлыя вершины его поднимались до третьяго неба.

Однажды Владыка звѣздъ шелъ по небу и запнулся за вершину Алтая, спросилъ Ульгенья, бога земли:

— Какой это бѣлый камень лежитъ?

— Это лѣстница съ земли, которую Ты потопилъ въ океанѣ, — сказалъ Ульгень.

— Что еще хорошаго осталось отъ земли?

— Только одна надежда на милость Твою! — сказалъ Ульгень.

— Мало надежды! — сказалъ Владыка міровъ. — Нужна любовь и исполненіе завѣтовъ о благѣ.

— Алтай - молитва объ этомъ стоитъ! — сказалъ Ульгень.



И. Я. Билибинъ

Византійскій всадникъ. Панно

— Тогда спустись по нему обратно, осуши землю отъ океана, насади на ней садъ прекрасный. Когда зацвѣтетъ — Я приду посмотрѣть.

Взялъ на себя Ульгень спасеніе земли. Спустился по горамъ Алтая на землю, осушилъ вокругъ горъ великій просторъ, насадилъ новый садъ прекрасный и избралъ для охраны его двухъ великихъ братьевъ — богатырей алтайскихъ Эдзень и Эрлика. И чтобы не было имъ скучно стоять у вратъ, создалъ имъ для радости и украшенія жизни прекрасную сестру Урусъ. И наказалъ:

— Вотъ я поручаю вамъ хранить молодой прекрасный садъ земли. Здѣсь довольно плодовъ и цвѣтовъ для всѣхъ людей. Здѣсь все

будетъ радовать вашъ глазъ и ваше сердце. Берегите. Я же поднимусь на небо, чтобы сказать Владыкѣ звѣздъ объ исполненіи Его завѣта. Онъ придетъ и полюбуется на плоды трудовъ нашихъ.

Ушелъ Ульгень на небо, а братья стали на стражѣ у вратъ прекраснаго сада.

Однажды, когда Эрликъ ушелъ отдохнуть, старшій братъ Эдзень стоялъ у вратъ и увидѣлъ, что мимо него въ садъ приближала малютка, дочь грознаго богатыря и хана, первая алтайская красавица Катинь-Су.

Эдзень такъ засмотрѣлся на нее, что побѣжалъ за нею слѣдомъ и, покинувъ порученный садъ, сказалъ дѣвушкѣ:

— Убѣжимъ со мной въ лучшій край!

Катынь-Су обожгла его взглядомъ, отвѣтила:

— Лучше Алтая нѣтъ страны.

— Полюби меня! — взмолился Эдзень.

— Измѣнника Ульгеню и Алтаю никогда не полюблю.

Оскорбился Эдзень, покинулъ Алтай и пошелъ войной на Китай. Тамъ скоро сдѣлался богдыханомъ—у измѣнниковъ удача временна, но велика — и позабылъ о братѣ, о сестрѣ, о первой красавицѣ Катынь-Су и о прекрасномъ садѣ земли.

Тѣмъ временемъ у вратъ сада Эрликъ стоялъ.

Сестра Урусъ, чтобы и второй братъ не покинулъ садъ, неотлучно служила Эрлику и часто отвлекала взглядъ его на цвѣты, когда мимо пробѣгала Катынь-Су. А однажды нашла въ саду самый красивый чудесный цвѣтокъ и, посадивъ его въ горшокъ, поставила передъ Эрликомъ.

Эрликъ былъ такъ счастливъ, что сталъ беречь и лелѣять цвѣтокъ, какъ лучшее сокровище. И сталъ цвѣтокъ еще красивѣе, такъ что пробѣжавшая мимо Катынь-Су, залюбовавшись, остановилась надъ цвѣткомъ и нѣжно улыбнулась его хранителю Эрлику.

Но вотъ Эдзень — богдыханъ отъ злыхъ духовъ узналъ о чудесномъ цвѣткѣ и, позавидовавъ брату Эрлику, послалъ гонца и укралъ цвѣтокъ.

Пробѣгавшая утромъ Катынь-Су увидѣла, что нѣтъ цвѣтка, и обожгла Эрлика строгимъ взглядомъ:

— И ты не сумѣлъ сберечь данное тебѣ сокровище!

О, какою злобою наполнился Эрликъ, пораженный въ сердце братомъ. Какъ яростно онъ сталъ проклинать его и все прекрасное на свѣтѣ, порождающее зависть. Даже на сестру разгнѣвался и, несмотря на ея слезы и мольбы о примиреніи, закричалъ ей грозно:

— Если братъ мой оказался воромъ, то всѣ прочіе чужіе люди будутъ вѣчными ворами и злодѣями. Уходи,

и ты не сестра мнѣ теперь. И проклиною я все человѣчество.

Ушла печальная сестра Урусъ на сѣверъ и стала создавать тамъ на равнинахъ царство Русь, чтобы когда-нибудь прійти обратно въ горы и принести любовь и миръ глубоко-обиженному брату Эрлику.

Но, покинутый сестрой и братомъ и красавицею Катынь-Су, Эрликъ сталъ растить и накоплять свой гнѣвъ безумный.

Покинувъ садъ прекрасный, онъ безпріютно блуждалъ по самымъ мрачнымъ ущельямъ и съ утра до вечера, и даже по ночамъ гнѣвно оглашалъ громовымъ голосомъ Алтай и топалъ богатырскими ногами въ землю, такъ топалъ, что всѣ растения и цвѣты въ прекрасномъ саду увядали. Такъ яростно топталъ Эрликъ ногами землю, что выбилъ себѣ яму — темную, глубокую могилу.

И не могъ онъ больше вынести дневного свѣта. Захотѣлось ему спрятаться отъ міра въ подземелье, чтобы забрать все зло земное въ свои руки. И сталъ Эрликъ самымъ грознымъ властелиномъ тьмы и преисподней. И до сихъ поръ подъ его грозною пятою все живущее въ низахъ трепещетъ. Только рѣдкимъ жителямъ высотъ Эрликъ не страшенъ.

Такъ выросло древо великаго злого зла. Ибо братъ Эдзень укралъ у брата Эрлика лучший даръ сестры — любимый цвѣтокъ, украшеніе жизни, улыбку небесъ.

Глубоко опечалился Ульгенъ на небѣ и рассказалъ Владыкѣ звѣздъ, что садъ прекрасный на землѣ увялъ и погибаетъ.

— Ты ставилъ стражу, ты и садъ спасай! — отвѣтилъ Владыка звѣздъ Ульгеню.

Тогда не гнѣвомъ, не печалью, а любовью накалилъ Ульгенъ до бѣлаго огня лукъ свой и послалъ стрѣлу любви — синюю молнию на Алтайскія горы.

Упала стрѣла въ чашу озера Джайлю, въ густой лиственичный лѣсъ, расщепила самое большое дерево и выжгла въ немъ огром-



И. Я. Билибинъ

Микула Селяниновичъ

ное дупло и въ дуплѣ томъ превратилась въ прекрасное малое дитя. И стало дерево матерью для голаго смуглаго мальчика.

Услышаль пролетавшій надъ озеромъ Лебедь - Кликунъ первый плачь голоднаго ребенка и принесъ ему лебединое яйцо. Накормилъ, утѣшилъ, пѣсню спѣлъ, опять на озеро улетѣлъ. И сталъ Лебедь-Кликунъ заботливымъ отцомъ для голаго смуглаго мальчика.

А на крутыхъ и зеленыхъ лугахъ вокругъ озера табуны и стада грознаго хана Агана паслись.

Однажды пастухи замѣтили, что Лебедь съ озера летаетъ къ одному большому дереву, и послали пастуха Башкауса узнать: что дѣлаетъ Лебедь у дерева?

Пришелъ пастухъ къ дереву — Лебедь улетѣлъ, а на лугу около дерева играетъ голый мальчикъ.

Подумалъ Башкаусъ:

— Эхъ, бѣдная ханская дочь Катинь-Су. Это она здѣсь родила мальчика и отъ стыда спрятала. Не даромъ пастухи шептались, когда монгольскій ханъ Каты-Ярыкъ отъ ханской ставки скакалъ.

Въ это время мальчикъ увидаль Башкауса и такъ хорошо улыбнулся ему, что пастухъ рѣшилъ взять его въ сыновья. Когда вырастетъ сильный и красивый, можно хорошо продать въ рабы на рудники китайцамъ.

Посадилъ мальчика въ суму за сѣдло, отвезъ женѣ своей, бездѣтной Чельчи, и сказалъ: — Вотъ корми и люби. Красивый будетъ — продадимъ, отъ нужды избавимся.

Стала Чельчи кормить ребенка, стала лю-



И. Я. Билибинъ

Царевна-Лягушка

бить, какъ сына. А мальчикъ растетъ, какъ молодой тополь: высокій, красивый, кучерявый и гибкій. И всегда всѣмъ улыбается. Все понимаетъ, все исполняетъ, а самъ молчитъ, какъ синее небо.

И прозвали его пастухъ съ пастушкой:

— Урсуль-Ойротъ, что значить найденный въ деревѣ.

И ходилъ Урсуль босой и голый, не зная, что такое холодъ или стыдъ. Бѣгая такъ по лугамъ, онъ попалъ къ товарищамъ Башкауса, ханскимъ пастухамъ, и, окруженный ими, всѣхъ ихъ покорилъ безмолвною улыбкой. Пастухи накормили его, приютили въ своемъ шалашѣ, дали старую овчину для прикрытія тѣла и сказали:

— Будь нашимъ братомъ — паси овечье стадо. Урсуль-Ойротъ улыбнулся, кивнулъ и сталъ

пасту ханское овечье стадо.

Такъ пришелъ на землю славный пророкъ Ойротъ. Такъ началась его служба синему Алтаю, алтайскому народу и пославшему его Ульгеню.

Не богатыремъ великимъ, не воиномъ вооруженнымъ сталъ Ойротъ на стражѣ у вратъ Прекраснаго Сада, а полуобнаженнымъ пастухомъ, облеченнымъ лишь одною молчаливою улыбкой. Озарился свѣтомъ радости Владыка звѣздъ.

И для живущихъ въ долинахъ и горахъ Алтая вновь наполнилась дарами неба и земли Чудесная Чаша Жизни. И стоитъ она нераспесканная на высотѣ великихъ Сайлюгемскихъ горъ.

Но это только присказка. Настоящая сказка — вся впереди.

### III. Ойротъ - Пастухъ въ горахъ думаетъ.

Когда это было и сколько длилось — никто не знаетъ, потому что у Алтая счета годамъ не велось, а у богатырей о времени не спрашиваютъ. Можетъ быть, годъ прошелъ; можетъ быть, тысяча лѣтъ.

Росъ Урсуль-Ойротъ, какъ самый простой пастушенокъ — заповѣдано ему Ульгеномъ пройти земную жизнь со всѣми нуждами и обидами, какъ самому простому Алтай-кижи.

Однажды, когда онъ поровнялся ростомъ съ юношами, онъ былъ со своимъ стадомъ на широкой полянѣ близъ озера Джайлю и подъ

баюкающей шопотъ ковылей почуялъ, точно выпалъ изъ какой-то давней тишины.

До сихъ поръ никогда не слышавшій даже собственнаго голоса, онъ умѣлъ лишь понимать, что говорили повелѣвавшіе ему отецъ и мать и пастухи, но никогда не слышалъ, чтобы такъ чудесно шелестѣли листья и хвоя на деревьяхъ, ласковыя, какъ дыханіе вѣтерка. Никогда не слышалъ, чтобы птицы могли пѣть такія радостныя пѣсни. Никогда не слышалъ, чтобы волны озера такъ ясно и краснорѣчиво рассказывали ему о томъ, какъ прекрасно и чудесно все, что онъ слышитъ и видитъ.

Прояснилась его память съ ясностью весеняго полдня и вспомнились всѣ дни и годы, проведенные въ бѣдной юртѣ пастуха Башкауса и жены его Чельчи.

Вспомнилъ, какъ впервые позналъ жгучесть огня, какъ впервые извѣдалъ жажду и голодь, какъ впервые почувялъ тоску одиночества покинутаго въ юртѣ ребенка.

Однажды, когда Чельчи ушла за хворостомъ для очага, Урсулъ увидѣлъ, какъ красиво и ласково тлѣли угли въ очагѣ посреди юрты. И захотѣлось ему пить и ѣсть эти ярко-красные кусочки. Подползши къ очагу, онъ взялъ самый яркій и красивый уголь въ руку и потянулъ его въ ротъ. И не понимая, что случилось. Даже не слышалъ своего крика, но откатился отъ костра и, какъ выброшенный камень, очутился за порогомъ юрты. И только на пахучей травѣ почувялъ, что вся обида идетъ отъ обожженныхъ рукъ и губъ, но замолчалъ и услышалъ впервые непрерывный шумъ, шедшій съ двухъ сторонъ: снизу отъ многого множества бѣгущей по камнямъ воды и отъ сосѣдней темной лиственницы, которая раскачивалась, шевелила множествомъ темныхъ крыльевъ и кивала Урсулу, какъ ласковая мать. А надъ верхушкой лиственницы онъ увидѣлъ такое, отчего совсѣмъ забылъ о боли обожженныхъ рукъ и губъ. Потому что тамъ было голубое и бездонное, такое тихое, и такое безпредѣльное Нѣчто, опиравшееся на вершины горъ — сплошная голубая крыша надъ долиной... И налились глаза Урсула густо-синюю эмалью, засмѣялись и не въ силахъ были оторваться отъ высотъ. Когда же онъ взглянулъ опять на лиственницу, то глаза его опять наполнились сплошной чернотой и страшной строгостью удивленья.

Такъ позналъ Урсулъ-Ойротъ всю сладость и силу безмолвія, такъ позналъ огонь и воду, землю и небо, которыя были для него лишь частями Единого Ожиданія.

Плескалась вода въ озерѣ и въ горныхъ потокахъ, вѣчно пѣла или говорила, или принимала въ глубину свою все небо съ облаками и бездонностью, а Урсулъ бродилъ и бѣгалъ среди множества темныхъ лиственницъ и елей, и кедровъ. Онѣ ласково махали ему лапами, кивали головами и, молчаливо подпирая небо, учили молчаливому Ожиданію.

Позналъ Урсулъ тепло и свѣтъ огня опаснаго, питающаго и веселящаго. Позналъ и



Превращеніе Вольги въ ясна-сокола

Знакомо пахло отъ отца барсучьимъ жиромъ и дымомъ родной юрты. У Башкауса вѣтеръ расплелъ черную косу и концомъ ея щекоталъ лицо и голову Урсула. Чубарый конь шелъ зыбкимъ шагомъ и матерински укачивалъ. Земля и горы строго шли кругами назадъ, а за голыя ноги Урсула хватался цвѣтушій шиповникъ. И пѣлъ отецъ, баюкалъ горы, и горы качались, вторили отцу и грозили повалиться всею тяжестью подъ крутой откосъ, а внизу подъ откосомъ скакали черезъ камни, пѣнились и шумѣли, шумѣли бѣлогривыя волны озера. И не было конца кругу голубой воды и горъ.

А Башкаусъ пѣлъ высокой, тонкой нотой:

„Бываетъ ли тополь выше горы?  
Бываетъ ли красавица лучше моей?“

Такъ своей Чельчи, Урсуловой матерью, хвалился пастухъ. И вспомнилъ Урсулъ запахъ матери, такой питающей и усыпляющей, смѣшанный съ запахами дыма и вѣтками богульника и вереска, которыя она всегда носила въ даръ огню въ очагѣ юрты.

„Бываетъ ли конь быстрѣй моего?  
Бываетъ ли сынъ-богатырь милѣй моего?“

И большая, твердая пахучая рука нащупала позади голову Урсула — тутъ ли Богомъ данный сынъ? Смолистые пальцы торопливо вытерли носъ Урсула, а хорошо показанные отцовскіе зубы послали блескъ нѣжной радости.

„У коновязи на Востокъ чей бѣгунецъ? Чей?  
А на бѣгунцѣ на этомъ чей молодецъ? Чей?“

твердость камня молчаливаго и недостигаемость блуждающихъ по небу и тоже молчаливыхъ тучъ, и неусыпную лучистость молчаливыхъ звѣздъ, и поклоны травъ, цвѣтовъ и ковылей въ лугахъ, и молчаливый зовъ далекихъ синихъ горныхъ долинъ.

Только не зналъ еще Урсулъ сладостной быстроты конскаго бѣга и не зналъ, что существуетъ на землѣ стыдливое волненіе подъ взглядомъ нѣжно-зовущихъ дѣвчечьихъ глазъ...

Вотъ впервые, позади отца, онъ былъ посаженъ на сѣдло коня и впервые выѣхалъ на высоту сосѣдней сѣдловины, съ которой впервые развернулся для него весь необъятный міръ — все голубое озеро Джайлу, закованное кольцомъ синихъ горъ.

И вдругъ, какъ бы отъ радостнаго смѣха двухъ богатырей, сидѣвшихъ на Чубаромъ, повалились однѣ горы на другія. Чубарый вывезъ ихъ на первую сѣдловину, и открылъ Урсуль глаза на новый безпредѣльный міръ Ульгена.

Это были высокіе альпійскіе луга надъ озеромъ Джайлю, на которыхъ паслись многочисленные табуны и стада великаго хана Агана. И впервые позналъ Урсуль радость, что не постороннимъ былъ здѣсь человѣкомъ отецъ его Башкаусъ, а былъ онъ ханскимъ пастухомъ. И захотѣлось ему самому скорѣе вырости, чтобы самому сѣсть на Чубараго и стать самымъ лучшимъ, самымъ вѣрнымъ пастухомъ хана Агана. Чтобы выѣхать на горы, свистнуть, крикнуть, и табуны гулкою толпою сгрудились бы и побѣжали туда, куда погонить ихъ лучшій всадникъ-пастухъ. И вдругъ крикнулъ Урсуль на воображаемые табуны:

— Эй-гэй, табуны! Урсуль на конѣ за вами бѣжить!

Крикнулъ и, впервые услышавъ свой голосъ, юноша Урсуль очнулся и увидѣлъ, что онъ пѣшій овечій пастухъ, не знающій сладостнаго конскаго бѣга подъ собою. Чубарый не умѣетъ быстро бѣгать, состарился, а другого коня нѣтъ у стараго Башкауса.

Бѣденъ Урсуль-Ойротъ-Пастухъ, но это ничего! Ханъ - Аганъ Богатырь — богатъ — это хорошо! Алтай богатъ — это хорошо. Весь Божій міръ богатъ — это такъ хорошо! А самое великое Урсулово богатство вотъ оно: онъ видитъ озеро Джайлю, видитъ вершины горъ, видитъ густые лѣса, зеленые луга, цвѣточные ковры. Урсуль слышитъ кукушку и жаворонка, Урсуль слышитъ прибрежную волну и ласковый шопотъ деревьевъ. Урсуль чувствуетъ нѣжные объятія душистаго горнаго вѣтра.

И сама собою складывается первая пѣсня Урсула:

„Эхъ, хорошо, свѣтло, легко жить пастухомъ!  
На девятой веснѣ сталъ Урсуль пастухомъ.  
Бабочка на цвѣтокъ садится медь кушать.  
Урсуль-пастухъ можетъ пѣсни пѣть круглый годъ.“

Да, на девятую весну своей жизни сталъ Урсуль пастушешкомъ, веселымъ, улыбочивымъ, быстроногимъ, какъ мараль. Безъ коня — быстрѣ бѣгъ его.

Безъ стрѣлы — остры черные глаза его. Какъ молніи свѣтлыя думы его.

Когда исполнилось двѣнадцать весенъ — поручили пастухи Урсулу гнать стадо молодыхъ барановъ въ ханскую ставку — на выборъ хану на завтракъ самаго хорошаго барашка.

Широко развернулась на изумрудномъ лугу ханская ставка - бисеръ изъ желтыхъ и бѣлыхъ круглыхъ юртъ. Какъ стрѣлы носились всадники отъ ставки къ ставкѣ. Какъ муравьи кишѣли слуги между юртъ. Не могъ Урсуль всего подробно рассказать даже Чельчи — восторгъ остановилъ дыханіе. И радовался Урсуль чужой радости такъ, какъ не умѣютъ радоваться своимъ радостямъ всѣ ханы и цари земли.

На пятнадцатую весну впервые увидѣлъ Урсуль и самого хана Агана. О, это былъ навѣрное самъ воплощенный ханъ Ульгенъ. Конь въ серебрѣ, сѣдло въ золотѣ, самъ въ лисицахъ и въ собольей шапкѣ. Голосъ — труба, взмахъ плети — ужасъ, взглядъ — грозная молнія въ полночи.

Такъ думалъ и напѣвалъ Пастухъ-Ойротъ-Урсуль въ горахъ въ тотъ первый день своей семнадцатой весны, когда впервые услышалъ онъ сладостную звучность музыки своего голоса.

Но вотъ опять умолкъ Урсуль, и пѣсня его прервалась, и думы его замерли. Потому что увидѣлъ Урсуль невиданное чудо, о которомъ невозможно рассказать даже самому себѣ. Только затихъ и замеръ на мѣстѣ Урсуль-Пастухъ.

Нѣту словъ такихъ на языкѣ Урсула, чтобы рассказать это словами. Нѣту цвѣтовъ такихъ во всѣхъ лугахъ Алтая, чтобы сравнить это съ цвѣтами. Нѣтъ птичьихъ голосовъ такихъ во всѣхъ лѣсахъ и на горахъ Алтая, чтобы сравнить ту музыку съ земными голосами.

И почему такъ стало грустно - грустно отъ такой великой, свѣтлой радости? Почему такъ приумолкъ и запечалился молодой пастухъ?

Ай-ай, запечалился и погасилъ свои думы и пѣсни Урсуль. Потому, что понялъ онъ въ первый разъ, что не ханскій сынъ, а пастушескій. Оглохъ ко всѣмъ голосамъ и звукамъ Урсуль. Зазвучалъ въ немъ но-



Превращеніе Вольги въ буй - тура

вый серебряный колокольчикъ, не земною пѣсней прозвучалъ веселый малиновый смѣхъ, не Урсуловъ смѣхъ... Чей?

Проскакала мимо овечьяго стада на бѣлой кобылицѣ юная дочь хана Агана, такая же какъ та... Какая? Урсуль никогда не видѣла и не знала никакой другой, но все-таки она была такая же, какъ та давно-давно гдѣ-то знаемая, самая родная, самая далекая и близкая, которую до своего рожденія Урсуль видѣла, которую до перваго пробужденія чуяла... Катынъ-Су!

И не стало больше солнечнаго свѣта для Урсула. Замолчали и высохли всѣ рѣки въ руслахъ своихъ. Остановились на путяхъ небесныхъ облака. Засохли травы и цвѣты въ лугахъ. Умерли всѣ птицы въ гнѣздахъ и на перелетахъ. Только жило и стояло передъ взоромъ пастуха Урсула смугло-розовое дѣвичье лицо. Только чуялъ онъ лучъ свѣта изъ веселыхъ черныхъ глазъ мелькнувшей всад-

ницы. Только слышалъ незабываемую музыку ея брошеннаго мимолетно оклика:

— Эй, догони, пастушокъ!

Давно это упало съ устъ ея. Уже давно исчезла, унеслась въ горахъ, но передъ глазами пастуха Урсула она все еще несетя, скачетъ, улыбается и повторяетъ:

— Эй, догони, пастушокъ!

И не слышалъ самъ себя Урсуль-Пастухъ. Пѣль, разливалъ первую печаль по зарѣ, заливалъ своей тоскою синюю гладь озера, заглушалъ всѣ голоса рѣкъ и вѣтра, а самъ снова не слышалъ себя.

Но зато весь Алтай, вся земля, все небо, всѣ ночныя звѣзды слушали Урсуль-Ойрота-Пастуха и молчали, молчали, молчали.

Потому, что когда беззаботная юность поетъ — всѣ молчатъ, всѣ подпѣваютъ. Когда же проснувшаяся первая любовь поетъ, всѣ молчатъ, всѣ слушаютъ, всѣ вспоминаютъ, всѣ ждуть, — всѣ благоговѣнно молятся.

#### IV. Катынъ-Су — сама любовь.

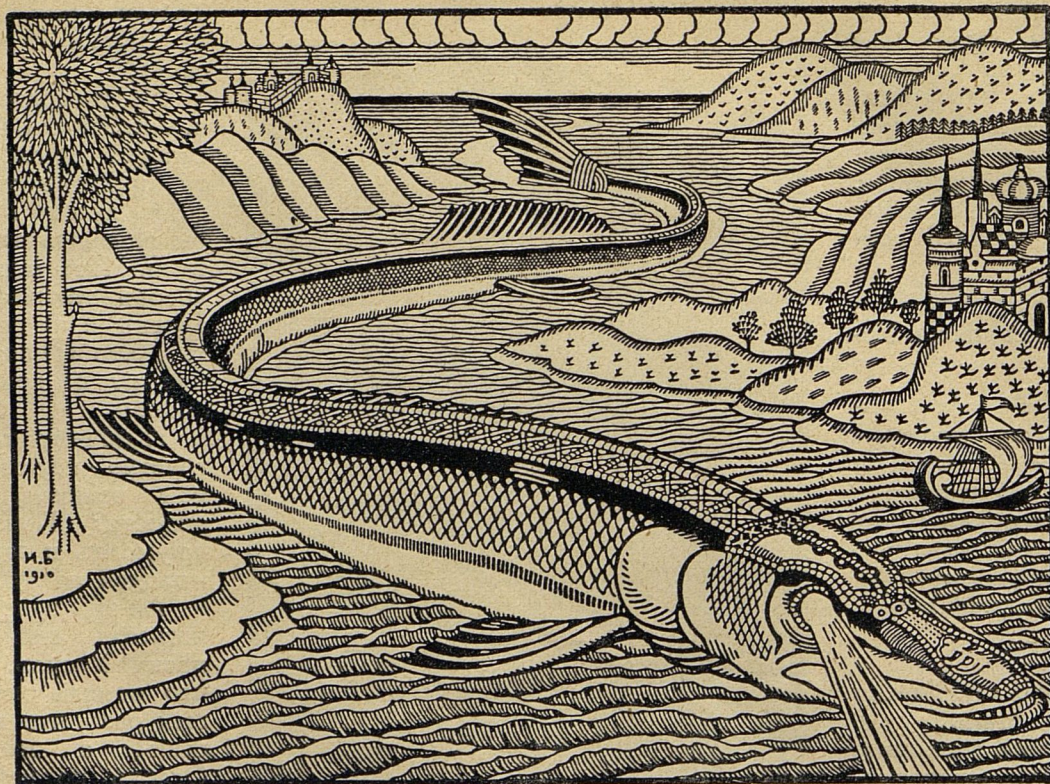
У хана Агана много женъ. У хана Агана много дѣтей, сыновей и дочерей. У хана Агана одна любимая жена Алтынъ-Ту, у хана Агана одна любимая дочь Катынъ-Су, радость весеняго утра, свѣтъ восходящаго дня.

Эй, всѣ ханы Востока! Эй, эй, всѣ богатыри земли! Напрасно приносите ваши дары и богатства, напрасно хвалитесь просторами вашихъ владѣній и силою вашихъ ратей и мудростью

вашихъ законовъ — ханъ Аганъ не возьметъ ничего, ханъ Аганъ свою дочь Катынъ-Су не отдастъ никому ни за что.

Катынъ-Су — сладкій плодъ великой любви, Катынъ-Су — самая свѣтлая радость народовъ Алтая, Катынъ-Су — благословеніе Владыки звѣздъ. Катынъ-Су — первый лучшій цвѣтокъ въ Прекрасномъ Саду земли.

Ой, ой! Катынъ-Су такъ хороша! Ой, ой!



И. Я. Библибинъ

Щука (Изъ Новгородской былинны)



Катынь-Су еще не знает любви! Ой, ой! Катынь-Су — сама любовь!

Хань Агань уже многих обидѣлъ знатныхъ людей: прогналъ хановъ и ханскихъ сыновей и великихъ заѣзжихъ князей. Никто не смѣетъ любить Катынь-Су, никто не смѣетъ помышлять о женитьбѣ на ней. Никто не смѣетъ даже смотрѣть на нее. Одинъ ханъ грозитъ убить себя — нѣтъ радости жить безъ любви Катынь-Су. Другой грозитъ украсть Катынь-Су. Третій грозитъ на хана войной пойти, чтобы силой отнять Катынь-Су.

Но Катынь-Су еще такъ молода. Катынь-Су, какъ дитя, весела и доверчива, какъ невинная козочка рѣзва и беззаботна, какъ горная рѣчка быстра и капризна. Охъ, сколько заботъ съ такой, сколько боязни и трепета въ сердцѣ слугъ. Сотни глазъ берегутъ, десятки служанокъ ухаживаютъ, отецъ и мать днемъ и ночью глазъ не спускаютъ съ нея.

И все-таки никто не угадѣлъ. Никто не видѣлъ, какъ и когда успѣла поймать бѣлую кобылицу. Сама взнуздала, сама осѣдлала. Ой, сама ли? Сама сѣла, одна ускакала... Ой, одна ли?.. Какъ вѣтеръ шальная, какъ птица неуловимая, носится съ утра въ горахъ... Ой, жива ли?..

Въ ставкѣ ужасъ и бѣда для всѣхъ. Въ ставкѣ всѣ стали виновными. Въ ставкѣ угасло солнце для каждаго. Ханъ въ яростномъ гнѣвѣ всѣмъ грозилъ казнями. Ханша отъ горя утратила разумъ.

— „Украли, украли ихъ дочь Катынь-Су“.

А Катынь-Су по вечерней зарѣ прискакала изъ горъ. Какъ сама заря — розовая, какъ жаворонокъ щебетливая, какъ улыбка перваго счастья веселая.

Все рассказала безумному отъ счастья отцу, что видѣла, что слышала, что почувяла одна въ горахъ. Только умолчала о бѣдномъ молодомъ пастухѣ. Почему умолчала — сама не знала, а спать легла — уснуть не могла. Все думала, думала, думала: почему такъ красивъ простой пастухъ? Почему никогда среди ханскихъ дѣтей она не видѣла такихъ? Почему такой ласкою въ сердцѣ звучитъ его пѣсня? Почему такъ запомнился взглядъ его, звѣздный и знойный сонъ наяву?

Прошла ночь — утро розовыя крылья взметнуло надъ горами. Пахнуло радостью прохлады и улыбкой свѣта на весь Алтай. А Катынь-Су, будто узнавшая печаль, грустно сидитъ, безъ сна всю ночь провела. Ни ѣсть, ни пьеть, ни съ кѣмъ не говоритъ. Даже не смотритъ на бѣлый свѣтъ. Все думаетъ: почему есть на свѣтѣ красивый и бѣдный пастухъ? Почему тотъ пастухъ не ханскій сынъ?

И вновь, какъ вода сквозь ткань, сквозь



дозоръ ушла. Любимая кобылица сама на зовъ пришла. И вновь ускакала на зеленые пастушьи луга. Опять разыскала пѣвца-пастуха.

И случилось все такъ, какъ не бываетъ даже въ чудесномъ снѣ. Юный пастухъ стоялъ на прибрежномъ камнѣ надъ озеромъ. Какъ богъ, былъ прекрасенъ онъ въ грубой овчинѣ своей; какъ трубный кликъ молодого марала, звучалъ его голосъ въ горахъ. Какъ ласковый вѣтеръ, удивленно шептала и приникала къ дѣвушкѣ пѣсня его. А онъ пѣлъ съ закрытыми глазами, не видя ея:

„О шестидесяти шести пуговицахъ она носить курму. Кто ихъ всѣ можетъ вразъ застегнуть?

Урсуль-Ойротъ можетъ застегнуть.

Отъ семидесяти семи хановъ ей дары принесутъ.

Отъ кого Катынь-Су приметъ даръ?

Отъ Урсула-Ойрота приметъ пѣсню горъ“.

О, Катынь-Су! Ты ли это стоишь у дуплистой лиственницы и слушаешь пѣсню божественнаго пастуха?

О, счастье! Да, это ты, Катынь-Су!

А Урсуль, не видя дѣвушки, стоялъ и пѣлъ — рассказывалъ свои тайныя думы озеру Джайлю:

„Когда Ойротъ захочетъ взять Катынь-Су,

Тогда пастухъ Урсуль станетъ богатыремъ.

Если Катынь-Су увидитъ сердце Урсула,

Она броситъ ханскую ставку и сама босикомъ придетъ“.

Не выдержала Катынь-Су, выѣхала изъ-за дуплистой лиственницы, въ которой былъ рожденъ Ойротъ, и припѣвно повторила за Урсуломъ нѣжнымъ голосомъ:

„Она броситъ ханскую ставку и сама босикомъ придетъ“.

Тутъ снова родился на свѣтѣ Ойротъ.

Тутъ впервые почувяла себя царственной женщиной Катынь-Су.

Какъ женихъ, какъ ханскій сынъ, какъ могучій богатырь снялъ ее съ лошади Урсуль-Ойротъ-Пастухъ.

Тутъ впервые узнали они оба и сладость и жертву любви.

Потому что здѣсь ихъ настигла погоня испуганныхъ ханскихъ слугъ.

... Эй, эй! Старый мудрецъ, у влюбленной дѣвушки не спрашивай ума.

Эй, эй! Властный ханъ, никакія твои козни не страшны пастуху!

Пастухъ, который любить, всѣмъ ханамъ ханъ!

Да, да. Узналъ, все узналъ ханъ Агань, какъ пожаръ распылался, разгнѣвался. Приказалъ пастуха Урсула въ рабы, въ чужое далекое ханство продать. Приказалъ посадить въ каменную юрту любимую дочь Катынь-Су. Приказалъ ее выдать замужъ за перваго стараго хана, кто посватается.



И. Я. Билибинъ

Царь Салтанъ идетъ на войну

Да только слухъ по всему Алтаю пошелъ:  
ханская дочь Катынъ-Су въ пастухавлюбилась...

И никто даже изъ ханскихъ слугъ не хотѣлъ  
посвататься за нее.

Охъ, можно ли разказать о гнѣвѣ хана Агана?

Охъ, можно ли повѣдать о горести двухъ разлучен-  
ныхъ сердець?

Если бы были вмѣстѣ — крылья бы выро-  
сли. И пастушій шалашъ — былъ бы тверды-  
нею лучшаго счастья. А въ неволѣ - разлукѣ  
последній разумъ теряется.

Какъ птицы въ клѣткахъ, влюбленные би-  
лись, ломая хрупкія перья крыльевъ.

Какъ отравленная ласточка, лежала въ огнѣ  
любви и горя Катынъ-Су.

Какъ соколъ молодой, сидѣлъ Урсуль-Ойротъ  
на привязи подъ жестокими дозорами хан-  
скихъ слугъ.

Скоро они поведутъ его въ невѣдомую тьму  
чужбины.

— Какъ быть? Какъ быть? Какъ жить на  
землѣ?

Спрашивалъ у горъ Урсуль-Ойротъ — горы  
молчали.

Спрашивалъ у неба — небо молчало.  
Только лѣсъ шепталъ понятное Урсулу:

„Она любить“.

Да вѣтеръ гудѣлъ прямо въ уши:

„Давай убѣжимъ!..“

## V. Урсуль-Ойротъ съ озеромъ Джайлю прощается.

Даже самый холодный таетъ ледъ, когда весна идетъ.

Даже самая темная печаль умираетъ, когда любовь цвѣтетъ.

Полюбила Катинь-Су Ойрота — для Ойрота, загорѣлась свѣтомъ солнечнымъ — для его счастья.

Полюбилъ Ойротъ Катинь-Су — для Катинь-Су, загорѣлся жаждой умереть — для ея счастья.

Такъ два луча любви сплелись и стали цѣпью — кованной, серебряной.

Подала лучъ Катинь-Су Ойроту — у Ойрота вспыхнулъ духъ побѣды.

Подавъ лучъ Ойротъ — у Катинь-Су затепелась надежда.

И запѣлъ Пастухъ-Урсуль пѣсню, какъ на волѣ. О высокиихъ горахъ — слушаютъ. О зеленыхъ горахъ — слушаютъ. О синихъ долинахъ — объ Алтаѣ — слушаютъ. О любви пастуха Урсула къ ханской дочери — обозлились. Стали бить Урсула, а Урсуль не чувствуетъ.

Бьютъ Урсула стражи, а Урсуль-Ойротъ усмѣшкой и пѣсней ихъ покоряетъ. Истомились стражи, отступились. А Урсуль поетъ и пѣсней ихъ злобу, какъ лучомъ волшебнымъ, угашаетъ...

И заслушались ханскіе стражи, забылись. Вспомнили все лучшее, все самое святое въ своей жизни — удивились: никогда не слышали такой чудесной пѣсни.

Такъ любовь — надежда въ пѣснѣ усыпила вражескую злобу и открыла пастуху Урсулу дверь на волю...

Такъ любовь — готовность помогли уйти отъ рабства. Потому что для любви все помогаетъ. Помогли Урсулу горныя ущелья — увели его и не видали. Лѣсъ помогъ Урсулу — спрятали и не слышали. Вѣтеръ помогъ — замель слѣды бѣглеца и не почуялъ. Небо улыбалось синей улыбкой и молчало.

Потому что была любовь Урсуль-Ойрота къ Катинь-Су превыше горъ и шире крыльевъ вѣтра. Потому что была любовь Катинь-Су къ Ойроту необъятнѣе и глубже неба.

И стали горы, лѣсъ, вѣтеръ и небо — щитами для любимаго и для любимой.

И стало тѣсное дупло старой лиственницы свѣтлымъ прибѣжищемъ для великаго сердца Ойрота.

Когда все заснуло въ горахъ и только звѣзды серебряными зернами усѣяли озеро — съ лиловаго склона горы, съ лѣсной зеленой поляны, изъ дупла старой лиственницы звучными каплями упали на синюю озерную гладь звуки новой пастушеской пѣсни.

„Если бы птицею стать — слѣлъ бы у входа въ юрту ея —

Увидѣла бы, какъ люблю ее.

Если бы собакой стать — легъ бы у ногъ ея —

Увидѣла бы, какъ люблю ее.

Если бы конемъ стать — унесъ бы ее въ звѣздный край.

Увидѣла бы, какъ люблю ее.

Прибѣги, прибѣги, прибѣги, Катинь-Су!..“

Но плескались въ отвѣтъ волны озера о каменные берега. Качались звѣзды въ глубинѣ. Вѣтеръ шагаль съ вершины на вершину, тяжело вздыхалъ. Всѣ рѣчки оплакивали разорванный лучъ любви.

Выбѣжалъ Урсуль-Ойротъ-Пастухъ изъ своего убѣжища. Легкимъ горнымъ мараломъ понесся по горамъ, смѣлымъ орломъ пролетѣлъ надъ ставкою хана, безпокойнымъ вѣтромъ ворвался въ опустѣвшіе шатры и юрты — нигдѣ не было Катинь-Су. Замолкъ ея колокольчикъ — голосъ, исчезъ аромат ея дыханія, угасъ лучъ ея свѣтлаго взгляда... Только вѣтеръ вздыхалъ и шепталъ:

Ахъ, ахъ, ахъ, бѣдный Урсуль-Ойротъ-Пастухъ!

Увезли твою любимую въ темный край.

Самъ страшный ханъ Эрликъ похитилъ ее.

Ахъ, ахъ, ахъ, бѣдный Урсуль-Ойротъ-Пастухъ!

И утратилъ Урсуль волю и надежду. Увяли крылья духа его. Пѣль наугадъ свои пѣсни, пѣль самъ не зная что и зачѣмъ поетъ. Сами слова приходили, какую-то давно забытую жизнь будили.

„Отецъ далъ мнѣ желтаго коня и серебряный лукъ.

А матушка дала мнѣ дорогой бѣлый камень-стрѣлу.

Оба сказали: будь достойнымъ воиномъ въ битвѣ.

Охъ, черная коса моя длиной до колѣнъ,

Навѣрное, будетъ лежать свитая на землѣ.

Въ черно-пѣгихъ глазахъ моихъ остановится миганіе

Дорогой желтый конь мой воротится домой.

Скажи же отцу, что я палъ въ храбрый бою.

Скажи матери, что я получилъ пятнадцать ранъ“.

Такъ пѣль молодой Урсуль, и печально звучала пѣсня его въ золотѣ утренней зари. Потому что вставалъ день разлуки его съ озеромъ Джайлю, гдѣ впервые увидалъ онъ Катинь-Су, гдѣ впервые позналъ любовь, которую укралъ злой Эрликъ.

Да, да, да, — поидетъ Урсуль-Ойротъ-Пастухъ самъ въ темный край. Найдеть Урсуль-Ойротъ-Пастухъ желтаго прекраснаго коня и материнскую бѣлую камень-стрѣлу и вызоветъ на смертный бой самого хана Эрлика и получить пятнадцать ранъ въ бою, и умереть за любимую Катинь-Су.

И опять, въ отвѣтъ на эту готовность, откуда-то лучъ блеснулъ, какъ будто почуяла Катинь-Су отвагу Ойрота и послала ему свою улыбку любви.

Посмотрѣлъ на себя Урсуль — онъ опять бѣднякъ-пастухъ. И чудо, которое однажды онъ узналъ, покрылось темнотою горя. Съ горя онъ опять запѣлъ. И въ пѣснѣ его зазвучали ключи отъ



всѣхъ надеждъ, отъ всѣхъ чудесъ, отъ всѣхъ побѣдъ: пѣсня борьбы и рѣшимости!

Зазвучала пѣсня пастуха Урсула чистою серебряною нотой, или летящимъ лучомъ золотымъ, или далекимъ колоколомъ съ вершинъ горы. То какъ закипающій котелокъ съ водой на кострѣ: тонко и скрипуче, булькающе и съ побряхтываніемъ. Это значитъ приливали слезы къ горлу и захлестывали радостную звучность.

„Серебряная птичка чирикнула надъ моимъ лбомъ.  
Однако это ты вспомнила обо мнѣ, любимая моя.  
Прощай, прощай. Улыбка твоя таеетъ на вершинахъ горъ.“

Пѣль, рассказывалъ о своихъ думахъ и полусновидѣніяхъ Урсуль и накапливалъ въ памяти и въ сердцѣ все самое свѣтлое и волнующее, что зналъ еще тогда, когда не родился на свѣтъ. И прощался въ сердцѣ своемъ съ озеромъ Джайлю, съ небомъ роднымъ, со всѣмъ Алтаемъ, потому что собирался на великій подвигъ.

„Прощай, прощай, Джайлю, голубая чаша Алтая!  
Прощай, прощай, — лицо твое покрылось тѣнью облака.“

Прощай, прощай — по глади водъ твоихъ пробѣжали морщины грусти.

Прощай, прощай, зеленая колыбель дѣтства Урсула.  
Уходитъ Урсуль, уходитъ отъ тебя на бой съ Эрликомъ.

Одинокій, бѣдный, пѣшій пастухъ Ойротъ...”

## VI. Урсуль-Ойротъ-Пастухъ въ богатыря-гору превращается.

Въ самую тяжкую минуту кто-то шепнулъ пастуху:

— Эй, Урсуль-Ойротъ, побратаемся!

Оглянулся Урсуль, никого кругомъ не было. Только вѣтеръ качалъ лиственницы и игралъ на голубыхъ струяхъ озера. И понялъ Урсуль-Ойротъ, что онъ не одинъ, что есть у него другъ и братъ—вольный вѣтеръ—Горный Духъ.

А вѣтеръ ворвался въ дупло, просвисталъ:

— Эй, Ойротъ, помни: Катынъ-Су любитъ тебя.

Катынъ-Су за тебя бѣду приняла.

Катынъ-Су Эрликъ укралъ.

И наполнился Урсуль-Ойротъ скорбью и жалостью къ Катынъ-Су, и жаждою силы, и пламенемъ гнѣва.

И отвѣтилъ Вѣтру:

— Да, я, Урсуль-Ойротъ, хочу и стану самымъ сильнымъ, самымъ отважнымъ богатыремъ Алтая, чтобы спасти изъ царства Эрлика Катынъ-Су... — И захлебнулся невыразимую любовью къ Катынъ-Су и гнѣвной жаждой мщенія къ черному хану Эрлику.

Какъ быстроногій мараль, подпрыгнувъ и помчался по берегу озера вмѣстѣ съ вѣтромъ.

Скакалъ Урсуль по камнямъ, какъ скачетъ горный водопадъ послѣ грознаго ливня: слѣ-

пнились волны у берега, брызгали свѣтлыми слезами на камни. Кивали хвойными верхушками деревья. Мелькали и кланялись Урсулу многіе, многіе, многіе цвѣты. Сто сортовъ весеннихъ цвѣтовъ давно отцвѣли. Сто сортовъ лѣтнихъ цвѣтовъ сѣмена осыпаютъ. А триста сортовъ цвѣтовъ августа каждый Урсулу капельку меда съ улыбкой и поклономъ протягиваетъ.

И опять пѣль Урсуль, пѣль и взывалъ:

„О, цвѣты, цвѣты, родные цвѣты!  
Поблекнете всѣ вы на пути моемъ, хотя бы и дождь пошелъ.“

Потому что черезъ васъ ханскія стада пройдутъ.  
И жадныя коровы съѣдятъ васъ мимоходомъ безъ жалости.

А если даже воскреснете — осень прійдетъ.  
И всѣ улыбки ваши скроются отъ Урсула.  
О, прощайте, прощайте, прощайте, цвѣты!

Траву пяти родимыхъ луговъ будутъ дѣлить пять коровъ.

А прекрасную дочь хана Агана будутъ ласкать чужіе глаза.

О, прощайте, прощайте, родимыя травы и деревья, и пни, и мелкій валежникъ.

Нога Урсула не ступитъ среди васъ долго, можетъ быть, никогда.

Какъ вода съ горы, Урсуль убѣжитъ далеко внизъ  
Отъ родного прекраснаго горнаго озера.

Ахъ, замолчите вы, пѣсни всѣ!

Замолчи, Урсуль, замолчи!

Страшенъ Эрликъ!”

пой и сильный, шумный и разрушительный. И чѣмъ дальше бѣжалъ, тѣмъ сильнѣй и грознѣй становился.

Черные кудри отъ бѣга выпрямились и длинными жгутами свились. Изъ ноздрей клубы пара вылетали, отъ размаха рукъ—горы раздались, отъ шаговъ—долины провалились, отъ ручьевъ пота — новыя рѣчки потекли.

Накопило озеро Джайлю своихъ сокровищъ — чистыхъ водъ до самыхъ краевъ. Поймало озеро Джайлю небесный жемчугъ — поднесло Ойротъ — не надо!

Всталъ и раскрылъ объятія весь Алтай — не надо.

Только правды, только любви великой, только побѣды надъ Эрликомъ надо.

На самомъ высокомъ утесѣ Ойротъ перевелъ одышку и услышалъ — кто-то шепнулъ:

— Урсуль-Ойротъ, люблю тебя!

Мой ханъ Ойротъ — наступитъ время...

Оглянулся Урсуль — никого кругомъ не было. Только вѣтеръ качалъ высокую траву и игралъ на разноцвѣтныхъ лепесткахъ цвѣтовъ. И понялъ Урсуль, что теперь навсегда слилась съ нимъ душа Катынъ-Су и побратался вѣтеръ. И стоялъ предъ нимъ единый, равный въ силѣ и терпѣніи братъ его — какъ

вольный вѣтеръ — какъ горный Духъ — всепо-  
коряющее Время.

И снова взмолился онъ вольному вѣтру но-  
вой могучею пѣсней:

„Эй, вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтеръ!

Вѣтеръ — сынъ время безначальныхъ,

Вѣтеръ — спутникъ міровъ безконечныхъ,

Вѣтеръ — крылья великихъ планетъ.

Вѣтеръ — дыханіе Вселенскаго Бога.

Вѣтеръ — радость Движенія.

Вѣтеръ — другъ морскихъ плавателей.

Вѣтеръ — слуга матерей, люльку дѣтей ихъ качающій  
въ полѣ.

Вѣтеръ — всю землю ласкающій.

Вѣтеръ — ты мой единственный другъ и братъ, и  
свидѣтель.

Тебя призываю на помощь.

Обнимемся, Вѣтеръ!..“

Обнялся Урсуль-Ойротъ-Пастухъ съ воль-  
нымъ вѣтромъ на утесѣ и закрылъ глаза, за-  
думался. И шепталъ - молился и великую думу  
съ вѣтромъ обсуживалъ.

„Ты, вѣтеръ многокрылый, знаешь!

Ты, вѣтеръ, убаюкавший несмѣтные тысячелѣтія, все  
помнишь.

Ты, вѣтеръ, знающій пути земли и солнца, не измѣ-  
нишь и не посмѣешься.



И. Я. Билибинъ

Св. благовѣрный вел. кн. Андрей Боголюбскій

Ты, вѣтеръ, неусыпный стражъ при смѣнѣ всѣхъ вре-  
менъ, не скроешь правды.

Ты, растянувшій по землѣ безчисленныя паутины не-  
прерывныхъ людскихъ жизней — не порвешь  
надежды.

Усыпи же, убаюкай, вѣтеръ, злое зло Эрлика.  
И пошли, эй, вѣтеръ, силу и непобѣдимую Пастуху-  
Урсуль-Ойроту.

Разбуди въ немъ память о прошедшихъ жизняхъ.  
Награди его прозрѣніемъ грядущихъ озареній.  
И тогда Ойротъ послужитъ своему отцу Алтаю,  
И тогда заступится Ойротъ за свою возлюбленную  
Катынь-Су — за свѣтлый лучъ Алтая.

И освободитъ отъ горя и нужды и злой неправды  
весь народъ Алтайскій.

И станутъ всѣ Алтай-кижи жить мирно и счастливо.  
Усыпи же, вѣтеръ, убаюкай зло Эрлика.  
Замети слѣды его подземной жизни.

Залѣчи, залѣчь печаль и жалобы травой забвенья —  
ковылями.

Пусть ихъ бѣлый кучерявый шелкъ будетъ шопотомъ  
твоей баюкающей ласки.

Усыпи, эй, вѣтеръ, и меня великимъ сномъ тысяче-  
лѣтій,

Чтобы всталъ - проснулся я богатыремъ могучимъ,  
Чтобы снова насадилъ я на землѣ для всѣхъ людей  
великій садъ прекрасный.

Чтобы не было тогда подъ небомъ даже памяти о  
зломъ Эрликѣ.

Чтобы Катынь-Су любимая жила счастливо подъ  
моей защитой“.

Съ этими словами Урсуль-Ойротъ-Пастухъ  
взмахнулъ могучими руками и превратился въ  
камень - великанъ гранитный.

И повалился камень-богатырь въ озеро  
Джайлю всей своей великой тяжестью.

И разбился край у чаши изумрудной. Вски-  
пѣли воды, и грознымъ водопадомъ опрокину-

лось все озеро Джайлю, и бросилось оно рыть  
каменный свой путь въ подземелье, гдѣ подъ  
покровомъ вѣчной ночи царствуетъ Эрликъ  
косматый.

Такъ опрокинулась, сломалась изумрудная  
чаша Алтая. Такъ родился великій горный  
потокъ Чулышманъ-рѣка. Такъ чудо великой  
любви и жажды правды для Алтая превратили  
бѣднаго пастуха въ горнаго богатыря и хана,  
окаменѣвшаго до положеннаго срока.

Потому что великаго богатыря не можетъ  
держать родная земля. Гдѣ пройдетъ, тамъ по  
поясъ въ землю провалится. Скажетъ слово —  
громъ гремитъ. Улыбнется — молніи сверкаютъ.  
Вздохнетъ — всю землю туманъ покроетъ.

Потому такъ много горъ - богатырей по-  
легло до срока на Алтаѣ.

Потому такъ властенъ и непобѣдимъ Эрликъ  
до сужденнаго часа.

И вотъ лежатъ богатыри, горами каменными  
смотря въ небо. И ждутъ всѣ знака, что  
напишутъ времена изъ свѣтлыхъ звѣздъ на  
небѣ.

И будетъ долго спать Урсуль-Ойротъ-Па-  
стухъ въ горахъ Алтая. Будетъ долго ждать  
онъ звѣздныхъ знаковъ въ небѣ, ждать и  
спать съ открытыми глазами. И первый онъ,  
Ойротъ, дождется, потому что любить.

Дождется, встанетъ, загремитъ доспѣхами  
и скажетъ вѣщее святое слово, о которомъ ни-  
когда, никто, нигдѣ не слышалъ.

И встанутъ всѣ богатыри — всѣ горы. Вста-  
нутъ и пойдутъ, пойдутъ великой ратью на  
Эрлика. Встанутъ и начнутъ, начнутъ послѣд-  
нюю войну со зломъ великимъ. И освободятъ  
плѣненную Эрликомъ радость всѣхъ временъ,  
горную, безсмертную любовь Алтая.

## VII. Катынь-Су великой рѣкой между горъ разливается.

Филинъ лаеетъ на ночную луну, потому что  
даже лунный свѣтъ беспокоенъ для филина.

Совы ничего не видятъ днемъ, хотя у нихъ  
и большіе глаза, и свѣтъ солнца для нихъ  
темнѣе ночи.

Змѣя никогда ничего не узнаетъ о свѣтломъ  
небѣ, потому что сверху ей всегда грозитъ  
только вражескій ударъ или твердое копыто.

И филинъ, и совы, и змѣи, и подземное  
тлѣніе кореньевъ, и вѣчная темнота каменныхъ  
нѣдръ, и затаенный, широко-раскрытый взглядъ  
отчаянія — вотъ чѣмъ обильно украшенъ  
путь въ подземное цар-  
ство Эрлика, страшный  
путь затхлою тьмы и ледя-  
ного молчанія.

Лукавыя слуги Эрлика  
сильны и заботливы, а Ка-  
тынь-Су между нихъ сла-  
ба и беспомощна. Поки-  
нутая родительскимъ бла-  
гословеніемъ и заклеяен-  
ная судомъ рабовъ, она



покорно шла во тьмѣ и холодѣ все глубже въ  
потаенныя подземныя пещеры.

Но взглядъ отчаянія еще не оледенилъ ея  
надежды, потому что ея сердце свѣтилось лю-  
бовью къ Пастуху-Урсулу, къ бѣдному, полу-  
нагому пастуху съ глазами, какъ двѣ огнен-  
ныхъ звѣзды на небѣ. Еще звучали въ ея  
сердцѣ его пѣсни, еще горѣли на груди его  
прикосновенія. Яркимъ пламенемъ горѣла пе-  
редъ ней душа Ойрота, и все ярче свѣтилась  
любовь къ Ойроту въ сердцѣ Катынь-Су въ  
неволяхъ. И чѣмъ глубже опускали ея слуги

злого бога, тѣмъ сильнѣе  
разгоралось пламя свѣта.  
Передъ этимъ свѣтомъ,  
ослѣпленные, бѣжали глуб-  
же въ тьму и прятались  
всѣ гады преисподней, и  
никогда не видѣвшія свѣта  
нѣдра трепетали въ стра-  
хѣ:

— „Что-то будетъ? О,  
Эрликъ всесильный!“



И вотъ гдѣ-то среди камней, въ расщелинѣ, залепеталъ подземный ручеекъ. Отъ струй его повѣяло дыханьемъ вѣтерка. Встрепенулось сердце Катинь-Су, она рванулась къ ручейку, глотнула полной грудью чистаго дыханья вѣтра...

И отступили въ смертномъ страхѣ всѣ слуги Эрлика, когда плѣнница взмолилась вѣтру:

— О, вольный вѣтеръ! Это ты принесъ ко мнѣ безсмертное дыханіе любви простаго пастуха Урсула. О, мой Урсуль-Ойротъ! Любовь твоя со мною!

И въ этотъ самый мигъ тамъ наверху раздался громъ и гулъ, какъ будто повалились горы. Въ этотъ самый мигъ Урсуль-Ойротъ упалъ съ утеса въ озеро Джайлю и превратился въ каменную гору. А духъ его какъ буря ринулся на бой съ Эрликомъ.

И хлынула вода въ подземныя пещеры мощнымъ и веселымъ водопадомъ. Загудѣлъ, запѣлъ о волю буйный вѣтеръ. Зацвѣла улыбка радостной надежды на лицѣ у Катинь-Су невинной. Она вскинула навстрѣчу вѣтру свои руки, и на мѣстѣ слабыхъ рукъ у нея мгновенно выросли легкія и могучія крылья. Упали крылья на грудь вѣтру, и вѣтеръ подхватилъ широкими объятьями и вырвалъ плѣнницу Эрлика изъ нѣдръ темной преисподней...

Вынесъ вѣтеръ Катинь-Су на волю, вынесъ на высоты горъ Алтайскихъ, вынесъ и поста-

вилъ ее на вершинѣ самой высокой, самой бѣлой, самой неприступной и святой горы Бѣлухи.

Ослѣпительная бѣлизна снѣговъ блистала на жемчужномъ полукружьи горныхъ вершинъ и въ изумрудѣ движущихся льдовъ, и въ буйномъ хмелѣ перламутровыхъ облаковъ.

Вѣтеръ оставилъ Катинь-Су одну на высотѣ, и было сновидѣніе прекраснымъ до глубокой грусти. Потому что одинокой и покинутой осталась Катинь-Су на высотѣ Бѣлухи. Только тамъ внизу далеко, надъ берегами озера Джайлю, лежала сѣрая гора — окаменѣлый богатырь Урсуль-Ойротъ любимый. Озеро Джайлю, какъ чаша съ голубою кровью, накопившейся изъ раны павшаго богатыря, стояло у подножія горы, а изумрудною долиной въ глубь ущелій убѣгалъ на западъ бѣлопѣнный Чулышманъ, какъ вѣстникъ грусти замолчавшаго побѣдителя, какъ безудержный потокъ печальныхъ и счастливыхъ слезъ.

Когда онъ убѣгалъ, ради чего онъ покидалъ родное озеро и горы — Катинь-Су не знала.

Куда она должна теперь сама идти, къ кому припасть на грудь, кому отдать любовь свою — Катинь-Су не знала.

Зачѣмъ стоитъ на бѣлой вершинѣ, кого и долго-ль ждать, кому отдать свои надежды и желанья, кому принести въ даръ свое чистое дѣвичье сердце — Катинь-Су не знала.

Въ отчаянной тоскѣ по умолкшему окаменѣвшему Ойроту она наполнилась однимъ — единственнымъ желаніемъ: плакать, плакать-плакать... Плакать цѣлые вѣка и цѣлыя тысячелѣтія, пока не встанетъ, не пробудится отъ каменнаго сна своего и не придетъ къ ней богатырь—пастухъ великій. Плакать отъ тоски къ никому не отданныхъ желаній, плакать отъ надежды сладостной и отъ предвкушеній счастья встрѣчи съ нѣжнымъ другомъ и возлюбленнымъ Ойротомъ. Ибо гдѣ-нибудь, когда-нибудь неумирающее время соединитъ любовь ихъ неразлучно. Ибо время такъ стремительно, всесильно и терпѣливо. И вотъ взметнула Катунь-Су къ голубому небу свои руки, въ послѣднемъ вздохѣ послала роднымъ горамъ всю силу неистраченной любви своей и въ изступленіи сказала полнозвучно:

— Вѣчною слезою проливаю чистую любовь мою на каменную грудь твою о, Хань-Алтай! И закрывъ глаза, упала Катунь-Су съ великой высоты Бѣлухи и превратилась въ бѣлопѣнную, кипящую въ своихъ желаньяхъ, вѣчно поющую о любви, вѣчно-устремленную, впередъ и вѣчно-остающуюся среди синихъ горъ великую рѣку Катунь...

Бирюзовою лентой обвила Катунь широкое подножье Бѣлухи.

Позвала съ собой изъ горъ младшаго брата рѣку Архытъ.

Позвала красавицу сестру Чую.

Позвала двухъ меньшихъ братьевъ Алеута и Кадрина.

Встрѣтила горнаго богатыря Урсула—нѣтъ не тотъ, не онъ, не Урсуль-Ойротъ. И вмѣстѣ со всѣми пятью рѣками побѣжала дальше, туда, куда побѣжалъ Чулышманъ.

Но сколько ни гналась, сколько ни искала, Чулышмана найти не могла.

Чулышманъ добѣжалъ до великаго Алтынъ-Куля — Телецкаго озера и упалъ на дно его вмѣстѣ со своимъ именемъ. Но выбѣжавшая изъ Алтынъ-Куля великая Бія-рѣка встрѣтила Катунь на великой равнинѣ и молча раскрыла ей свои нѣжныя объятія.

Тутъ и великая Катунь имя свое спрятала.

И родилась изъ этого любовнаго объятія новая, еще болѣе великая Обь-рѣка, которая и орошаетъ и питаетъ величайшую сибирскую равнину отъ Алтайскихъ горъ до Сѣвернаго океана.

Но, радуя и орошая тучную великую равнину, великіе источники Алтая, сынъ Джайлю — Чулышманъ и дочь Бѣлухи — Катунь, сами никогда не убываютъ и не расстаются съ синими родными горами. И колыбель великаго рожденія ихъ истоковъ вѣчно покоится на тѣхъ же бѣло-перламутровыхъ высотахъ Сайлюгема и Бѣлухи.

Шумить и пѣнится и плещетъ волнами на изумрудные берега сынъ Джайлю-Куля, духъ хана и богатыря Ойрота — извѣчный Чулышманъ.

Извиваясь нѣжной сказочной красавицей, поетъ въ горахъ свою неумолкаемую пѣсню любви божественная Катунь-Су-Катунь.

Какъ вѣчный стражъ несмѣтныхъ залежей сокровищъ, спрятанныхъ въ горахъ и подъ водами, какъ бѣлоглавый витязь-богатырь, какъ неразгаданный еще таинственный молчунъ, хранить истоки своихъ рѣкъ великій ханъ Алтай.

А по склонамъ Алтайскихъ горъ за своимъ стадомъ бродитъ вѣчно молодой пастухъ Алтай-кижи...

Бродитъ такъ же неторопливо и раздумчиво, какъ бродилъ онъ тысячи лѣтъ, и все такъ же бѣдна и первобытна домра его съ волосяными струнами. Все такъ же придавлена величіемъ горъ простая и грустная пѣсня его.

Но въ узкихъ, раскосыхъ глазахъ его сверкаетъ огонекъ мечты и тайной радости. И въ унылой пѣснѣ его звучитъ побѣдная нота:

„Настоящій богачъ никогда и никому не скажетъ,  
Гдѣ у него спрятано серебро...

Настоящій Алтай-кижи никогда и никому не скажетъ,  
Когда опять Ойротъ придетъ.

Встань на зарѣ лицомъ къ Утру и тихо послушай:  
О чемъ восходящее солнце поетъ.

Солнце поетъ: „Скоро Бѣлый Бурханъ Ойротъ придетъ“.

Солнце поетъ: „Скоро на Алтаѣ лучшая, новая жизнь зацвѣтетъ“.

Эй, Алтай-кижи! Паси свое стадо

И со склона горы въ синюю даль гляди.

Эй, Алтай-кижи! Ходи въ своемъ убогомъ рублищѣ

И никому не говори, что ты не стадо пасешь,

А самое великое въ мірѣ богатство бережешь,

Потому что земля твоя —

Прекрасный рай.

Потому что домъ твой —

Хань - Алтай.

Г. Гребенщиковъ

